

УДК 81'373.21: 398.22(575.2)

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/129/65>

САКРАЛЬНЫЕ МЕСТА В ЭПОСЕ «МАНАС»: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ ТОПОНИМОВ

©Эргешова Г. А., ORCID: 0009-0005-2950-7651, Кыргызско-турецкий университет Манас,
г. Бишкек, Кыргызстан, gulkyz.ergeshova4@gmail.com

©Байгобылова Г. А., ORCID: 0000-0003-2204-1914, Кыргызско-турецкий университет
Манас, г. Бишкек, Кыргызстан, gulnara.baygobylova@manas.edu.kg

SACRED PLACES IN THE «MANAS» EPIC: SEMANTICS AND FUNCTIONS OF TOPONYMS

©Ergeshova G., ORCID: 0009-0005-2950-7651, Kyrgyz-Turkish University Manas,
Bishkek, Kyrgyzstan, gulkyz.ergeshova4@gmail.com

©Baigobylova G., ORCID: 0000-0003-2204-1914, Kyrgyz-Turkish University Manas,
Bishkek, Kyrgyzstan, gulnara.baygobylova@manas.edu.kg

Аннотация. Статья посвящена изучению семантики и функций топонимов в кыргызском героическом эпосе «Манас» с позиций концепции сакральной географии. Целью исследования является выявление смысловых уровней географических названий в эпосе и определение их роли в формировании мифопоэтического пространства произведения. Материалом служат тексты вариантов эпоса по версиям Сагымбая Орозбакова (СО) и Саякбая Каралаева (СК), а также справочные манасоведческие источники. Методология исследования сочетает топонимический, семантический и структурно-типологический анализ, опирающийся на достижения современной фольклористики, этнолингвистики и сакральной географии. В результате выявлено, что топонимы в «Манасе» функционируют на трёх взаимосвязанных уровнях: мифологическом, идентификационном и нарративном. Установлено, что Талас выступает сакральным центром эпоса, Алтай — пространством испытания, Бээжин — воплощением «чужого мира», а мифические топонимы (Аверден, Желпиниш) маркируют границы между мирами. Полученные результаты вносят вклад в изучение мифопоэтики центральноазиатского эпоса и могут быть использованы в курсах фольклористики, лингвокультурологии и регионоведения.

Abstract. This article examines the semantics and functions of toponyms in the Kyrgyz heroic epic "Manas" from the perspective of sacred geography. The study aims to identify the semantic layers of geographical names in the epic and to determine their role in shaping its mythopoetic space. The primary material consists of the epic variants recorded by Sagimbay Orozbekov (SO) and Sayakbay Karalaev (SK), as well as reference sources in Manas studies. The methodology combines toponymic, semantic, and structural-typological analysis grounded in contemporary folkloristics, ethnolinguistics, and sacred geography. The results reveal that toponyms in "Manas" function on three interrelated levels: mythological, identificatory, and narrative. Talas functions as the epic's sacred centre, Altai as the space of trial, Beejin (Beijing) as the embodiment of the "alien world," while mythical toponyms (Averden, Zhelpinish) mark the boundary between worlds. The findings contribute to the study of the mythopoetics of the Central Asian epic tradition and may be applied in courses on folkloristics, linguoculturology, and regional studies.

Ключевые слова: сакральная география, топоним, эпос «Манас», мифопоэтическое пространство, кыргызская фольклористика, ономастика.

Keywords: sacred geography, toponym, Manas epic, mythopoetic space, Kyrgyz folkloristics, onomastics, epic space.

Эпос «Манас» — выдающийся памятник устного творчества кыргызского народа, признанный ЮНЕСКО шедевром нематериального культурного наследия человечества. По объёму он многократно превосходит «Илиаду» и «Одиссею» Гомера и насчитывает в наиболее полных вариантах свыше полумиллиона строк [5].

Географическое пространство эпоса охватывает огромную территорию – от Алтая до Восточного Туркестана и Пекина, от Ферганской долины до мифических рубежей обитаемого мира. Однако это пространство не является нейтральной топографической картой: оно организовано по принципам сакральной географии — системы представлений, в которой физические места наделяются духовным статусом, связываются с мифологическими событиями и становятся точками пересечения человеческого и сверхъестественного [7].

Понятие «сакральная география» разрабатывается на пересечении фольклористики, религиоведения, культурной антропологии и ономастики. Применительно к кыргызской традиции священные места — «ыйык жерлер» (кырг. — священные, почитаемые места) — занимают центральное место в народном мировоззрении: они связаны с культом предков, анимистическими верованиями и позднейшим исламским наложением [8].

Современные этнографические исследования фиксируют, что сакральные места воспринимаются носителями культуры как ключевой элемент «кыргызчылык» — «комплекса исторически накопленных знаний, традиций и мыслительных паттернов, свойственных кыргызскому народу» [8].

Топонимика эпоса «Манас» изучалась в манасоведческой традиции преимущественно с историко-географических и этимологических позиций [2; 3].

Вместе с тем семантические и функциональные аспекты эпических топонимов в контексте сакральной географии остаются недостаточно изученными. Цель настоящей статьи — выявить семантические уровни топонимов в эпосе «Манас» и охарактеризовать их функции в конструировании мифопоэтического пространства. Для её достижения необходимо: 1. Классифицировать топонимы эпоса по типу сакральной нагрузки; 2. Описать семантику ключевых топонимов; 3. Определить нарративные функции, которые выполняют эти топонимы.

Актуальность работы обусловлена растущим интересом к изучению эпической пространственности как формы культурной памяти и запросом на сохранение нематериального наследия кыргызского народа [6; 9; 10].

Материал и методы исследования

Материалом исследования служат тексты эпоса «Манас» в двух основных вариантах: по версии Сагымбая Орозбакова (СО) в четырёх томах и по версии Саякбая Каралаева (СК). Выбор этих вариантов обусловлен их наибольшей изученностью в манасоведении и наличием академических изданий с постраничными ссылками. Вспомогательными источниками послужили «Манас алиппеси» К. Кадыралиевой и топонимический справочник М. Касымгелдиевой [1, 2].

В работе применяется комплекс методов. Топонимический анализ предполагает этимологическую и семантическую интерпретацию географических названий. Структурно-типологический метод позволяет сопоставить выявленные функции топонимов с аналогичными явлениями в тюркском и мировом эпосе [4; 10].

Контекстный анализ направлен на изучение окружения топонимов в тексте: атрибутов, эпитетов, нарративных ситуаций. Метод бинарных оппозиций применяется для реконструкции ценностной системы эпического пространства: пары «свой» / «чужой», «сакральный центр» / «опасная периферия», «этот мир» / «иной мир» [11].

Теоретическую основу исследования составляют: концепция «сакральной географии» в её этнологическом понимании; положения нарратологии об организации художественного пространства как смыслообразующего компонента текста; сравнительно-типологические наблюдения над пространственной организацией тюркского эпоса [4, 7-10].

Отбор анализируемых топонимов производился по критериям частотности употребления в тексте и семантической нагруженности. Исследование носит качественный характер и не ставит целью исчерпывающий количественный учёт всех топонимических единиц.

1. Сакральная прародина: Анжиян как утраченный рай

Анализ вариантов эпоса показывает, что Анжиян (Андижан, Ферганская долина) функционирует не просто как историческая географическая реалья, но как «утраченный рай» – топоним с максимальным сакральным статусом родины предков. В варианте СО читаем:

*Башта ушул Анжыян
Бабаң өскөн жер экен.
Алтайда туруп алышпай,
Ант ургур арбын эл экен.*

«В самом начале этот Анжиян / Был землёй, где вырос твой предок. / Не желая оставаться на Алтае, / Многочисленный народ, давший клятву...» (СО, 2. 13)

Анжиян в тексте эпоса — это не просто место происхождения, а сакральный центр, к которому устремлены надежды народа в период изгнания. Подобная семантика соответствует архетипу «потерянного рая», известному в мировой мифологии. По наблюдению М. Касымгелдиевой, Анжиян «до нападения Алоокэ уже являлся родиной кыргызов» [2], и возвращение Манаса представляет собой сакральный поход по восстановлению нарушенного миропорядка. В современных этнологических исследованиях такой тип привязанности к сакральной родине квалифицируется как центральный механизм конструирования этнической идентичности через пространство [8].

2. Пространство испытания: Алтай как место рождения и становления героя

Алтай занимает в системе эпических топонимов особое, амбивалентное место: он одновременно является родиной Манаса и территорией врага — калмыков. Именно здесь происходит судьбоносное событие — рождение героя. В варианте СК:

*Өзү Алтайда туулду
Билсең кадыр түн келди
Ойлоп көрсөң, Жакып кан,
Бизге бир жакшылык тиер күн келди.*

«Сам он родился на Алтае — / Знай, наступила священная ночь / Подумай об этом, хан Жакып / Настал день, когда нам придёт благо».

Примечательно, что рождение Манаса совмещается с понятием «кадыр түн» (кырг. — священная, благодатная ночь), придающим топониму сакральный характер: Алтай на мгновение превращается в «ось мира», центр вселенского события. Этимология названия — «ал-тай» ('ыйык тоо' или 'алтын тоо', то есть 'священная' или 'золотая гора') — дополнительно поддерживает этот статус [2].

В эпическом пространстве Алтай функционирует как «зона перехода»: здесь герой рождается, но ещё не утверждается — окончательное утверждение происходит лишь в Таласе.

3. Сакральный центр: Талас как ордо эпоса.

Среди всех топонимов эпоса Талас занимает наивысшую позицию в сакральной иерархии. Именно здесь располагается ордо (ставка) Манаса, здесь совершаются ключевые политические события, и именно сюда направлено движение всего народа. Легитимность Манаса как вождя подтверждается благословением (бата) Бакая в Таласе, что в контексте эпоса означает духовное освящение территории. Семантика Таласа многослойна. На буквальном уровне — это конкретная долина, описанная с реалистической точностью: «жери чыбыр, майда адыр, малга жай» (кырг. — «земля холмистая, мелкие гряды, раздолье для скота»). На символическом уровне Талас воплощает идеал благополучной жизни кочевника-скотовода. На сакральном уровне — это место, где расположена гробница самого Манаса (Манас-Ордо), непрерывно привлекающая паломников и служащая узлом коллективной исторической памяти [23].

В эпосе «в кандайдыр бир кыйын абалда» (кырг. — «в любой трудной ситуации») Талас предстаёт как вождеденная цель, «киндик каны тамган жер» — «земля, куда пролилась пуповинная кровь».

4. Этническая периферия: Алай.

Алай в эпосе описывается как южный предел кыргызского этнического пространства — место концентрации отдельных родов и «сакральный узел» племенных договорённостей. В текстах эпоса:

*Орозду деген агаң бар,
Жайлайт деп угам Алайды (СО, I. 118).*

«У тебя есть брат по имени Ороздук / Слышал я, что он кочует на Алае».

*Кең Алайды жердеген,
Андагы нойгут эл деген (СК, I. 218).*

«Занимающий просторный Алай / Называемый там народом нойгут».

Реалистическая точность описания Алая — в частности, упоминание отсутствия леса («отун жоктугу», кырг. — «дров нет») — свидетельствует о высокой географической достоверности эпоса [3]. Сакральная функция топонима состоит в маркировании принадлежности территории конкретным кыргызским родам, то есть в этническом освящении пространства. Именно на Алае происходит ряд ключевых эпических событий: Манас женится на Акылай, дочери Шоорука; здесь же собираются племенные ханы перед Чон Казатом.

5. «Чужой мир»: Бээжин и оппозиция «своё / чужое».

В противовес «своим» сакральным центрам Бээжин (Пекин) воплощает «чужой мир» — пространство враждебной силы. Эта топонимическая оппозиция фундаментальна для структуры эпоса: движение героя между «своим» и «чужим» пространствами организует сюжет всего произведения [9; 11]. Бээжин описывается как «керемет сырдуу шаар» (кырг. — «удивительный, таинственный город»), наделённый иной, враждебной сверхъестественной силой. Маньчжурская столица становится конечной целью грандиозного похода — Чон Казата, — превращаясь в своего рода «антисакральный центр»: место, которое необходимо покорить, чтобы утвердить торжество «своего» мира. Важно, что Бээжин в эпосе не является однородным: упоминаются «Туп Бээжин», «Орто Бээжин» и другие его варианты, что указывает на сложность мифологического образа. Эта множественность топонима соответствует представлениям о «чужом мире» как многослойном, непознаваемом пространстве, в противовес структурированному «своему».

6. Мифические топонимы: границы миров.

Отдельную категорию образуют мифические топонимы, не имеющие реального географического прообраза или радикально переосмысленные в мифологическом ключе.

Наиболее значимы — Аверден и Желпиниш. Аверден-Көл (Аверден-озеро) — мифический водоём, место получения Алмамбетом магических знаний. В варианте СК:

*Суук-Төр деген төрүндө,
Аверден деген көлүндө
Алтымыш баштуу ажыдаар —
Анын сырын окуп кел.*

«В месте под названием Суук-Төр / У озера под названием Аверден / Живёт дракон о шестидесяти головах / Иди и постигни его тайну». Аверден — «пограничная точка» между обычным и магическим мирами. Этимология топонима может быть интерпретирована как «Ажыдаар-Көл» (кырг. — «Озеро дракона») [2]. Мотив обучения у дракона представляет собой в мировой мифологии универсальный способ получения тайного знания [11]; в «Манасе» он топонимически закреплён за конкретным локусом. Показательно, что здесь обучались не только Алмамбет, но и другие эпические «аяры» (кырг. — хитрецы, воины-маги): Коңурбай и Кожожаш. Желпиниш – мифический топоним, обозначающий западный предел мироздания, пространство за краем обитаемого мира:

*Жер урунту Желпиниш,
Ага кирип кетерсиң.
Канаты бардан жин жүрөт,
Кайраты бардан пил жүрөт,
Андан бөлөк ким жүрөт? (СО, 3, 93)*

«Желпиниш — это край земли: / Войдётся туда — и пропадёшь. / Там ходят джинны — те, что с крыльями / Там ходят слоны — те, что с силой / Кто ещё там ходит?». Желпиниш функционирует как «антимир»: попавший туда не возвращается. Он населён сверхъестественными существами — джиннами, дивами, мифическим народом «жетимурук» — и противостоит упорядоченному пространству героев. Подобная топонимическая маркировка края ойкумены является универсальной мифологической моделью [4], которая в «Манасе» получает конкретное кыргызское воплощение. Суу-Кудук — священный колодец в Бээжине, у которого приобретают сверхсилу герои: «Каңгайга барып туулган, Бээжиндеги суу кудук, алты ай баары жуунган» (кырг. — «Рождённый на Каңгае, священный колодец в Бээжине, шесть месяцев все купались») [1]. Этот топоним обнаруживает интересный парадокс: священное место расположено в «чужом» городе, что указывает на то, что сакральность в эпосе не является исключительной монополией «своего» пространства.

7. Функциональная типология эпических топонимов.

На основании проведённого анализа предлагается следующая функциональная классификация топонимов эпоса «Манас»: 1. Сакральный центр (Талас) — место ордо, политической легитимности и культурной памяти; 2. Сакральная прародина (Анжиян) — утраченный рай и цель коллективного движения; 3. Пространство испытания (Алтай) место рождения и становления героя, зона перехода; 4. Этническая периферия (Алай, Кайыпчынын Кара-Тоосу) — граница «своего» мира, зона укрытия; 5. «Чужой мир» (Бээжин) — антагонистическое пространство и предмет эпического завоевания; 6. Мифические пограничные локусы (Аверден, Желпиниш, Суу-Кудук) — точки пересечения миров, пространство магии и тайного знания. Предложенная классификация согласуется с более широкими моделями организации эпического пространства в тюркоязычном фольклоре [4; 10] и позволяет рассматривать «Манас» как систематически выстроенную сакральную карту мира кыргызского народа. Следует подчеркнуть, что классификация не является жёсткой: один и тот же топоним может совмещать несколько функций в зависимости от нарративного контекста, что свидетельствует о семантическом богатстве эпической географии.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, топонимы в эпосе «Манас» функционируют на трёх взаимосвязанных уровнях: мифологическом (кодирование оппозиций «свой» / «чужой», «сакральный центр» / «опасная периферия»), идентификационном (закрепление функции культурной памяти народа) и нарративном (структурирование сюжета через движение героя в пространстве). Во-вторых, сакральная иерархия топонимов в «Манасе» чётко упорядочена: Талас занимает позицию главного сакрального центра, Анжиян — утраченной прародины, Алтай — пространства испытания и становления, Бээжин — враждебного «чужого мира», мифические локусы (Аверден, Желпиниш) — потусторонней границы. В-третьих, эпос представляет собой уникальный случай систематической сакральной картографии в устной словесности: географические названия образуют связную символическую систему, отражающую кыргызское мировоззрение.

Практическая значимость результатов определяется возможностью их использования в университетских курсах фольклористики, этнолингвистики и регионоведения Кыргызстана, а также при разработке маршрутов культурно-познавательного туризма, ориентированных на сакральные места, упомянутые в эпосе. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением корпуса источников за счёт менее изученных вариантов эпоса и сопоставлением с аналогичными явлениями в казахском, алтайском и монгольском эпосах.

Список литературы:

1. Кадыралиева К. Манас алиппеси: Окуу-усулдук колдонмо. Бишкек, 2015. 112 с.
2. Касымгелдиева М. «Манас» эпосундагы топонимдер. Бишкек, 2009. 236 с.
3. Манас: Кыргыз элинин баатырдык эпосу. В 4 т. По варианту Сагымбая Орозбакова. Бишкек: Кыргызстан, 1984-1988.
4. Reichl K. Oral Epics into the Twenty-First Century: The Case of the Kyrgyz Epic Manas // Journal of American Folklore. 2016. V. 129. №513. P. 327–344.
5. Plumtree J. A Telling Tradition: Preliminary Comments on the Epic of Manas, 1856–2018 // Medieval Stories and Storytelling: Multimedia and Multi-Temporal Perspectives. Turnhout: Brepols, 2021. P. 239–301. <https://doi.org/10.1484/M.MNT-EB.5.121610>
6. Jacquesson S. Claiming heritage: the Manas epic between China and Kyrgyzstan // Central Asian Survey. 2020. V. 39. №3. P. 324–339. <https://doi.org/10.1080/02634937.2020.1765739>
7. Aitpaeva G. Sacred Sites of Kyrgyzstan: Aigine Cultural Research Center Field Materials. Bishkek: Aigine CRC, 2013. 310 p.
8. Borchardt N., Simons C. Spiritual commons: sacred sites as core of community-conserved areas in Kyrgyzstan // International Journal of the Commons. 2017. V. 11. №1. P. 422–448. <https://doi.org/10.18352/ijc.713>
9. Усенова Н. Э. Эпос «Манас» как мнемоническая культура кыргызов: автореф. дис. ... канд. культурологии. Бишкек, 2014. 24 с.
10. Prior D. Generic Factors and the Context of Empire in Kirghiz Oral Heroic Poetry from the Mid Nineteenth to the Early Twentieth Century // Acta Slavica Iaponica. 2022. V. 43. P. 95–126.
11. Жамгырчиева Г. Т. К вопросу архетипа в кыргызском эпосе (на примере эпоса «Манас») // Проблемы современной науки и образования. 2016. №2 (44). С. 126–128
12. Aitalieva T. K. Fairy-tale and mythological descriptions in the epic Manas // Critical Survey, 2024. V. 36. №2. P. 127–138. <https://doi.org/10.3167/cs.2024.360411>

13. Zhou Y., Adalaiti Quantitative Analysis of Heroic Epic “Manas” Translation Research in China // *Proceedings of the SSEME workshop on Social Sciences and Education*. 2023. P. 67-75. https://doi.org/10.2991/978-2-38476-116-6_9

References:

1. Kadyralieva, K. (2015). *Manas alippesi: Okuu-usulduk koldonmo*. Bishkek. (in Kyrgyz).
2. Kasymgeldieva, M. (2009). «Manas» eposundagy toponimder. Bishkek. (in Kyrgyz).
3. *Manas: Kyrgyz elinin baatyrdyk eposu (1984-1988). Po variantu Sagymbaya Orozbekova*. Bishkek. (in Kyrgyz).
4. Reichl, K. (2016). Oral Epics into the Twenty-First Century: The Case of the Kyrgyz Epic *Manas*. *Journal of American Folklore*, 129(513), 327–344.
5. Plumtree, J. (2021). A Telling Tradition: Preliminary Comments on the Epic of *Manas*, 1856–2018. *Medieval Stories and Storytelling: Multimedia and Multi-Temporal Perspectives. Turnhout: Brepols*, 239–301. <https://doi.org/10.1484/M.MNT-EB.5.121610>
6. Jacquesson, S. (2020). Claiming heritage: the *Manas* epic between China and Kyrgyzstan. *Central Asian Survey*, 39(3), 324–339. <https://doi.org/10.1080/02634937.2020.1765739>
7. Aitpaeva, G. (2013). *Sacred Sites of Kyrgyzstan: Aigine Cultural Research Center Field Materials*. Bishkek.
8. Borchardt, N., & Simons, C. (2017). Spiritual commons: sacred sites as core of community-conserved areas in Kyrgyzstan. *International Journal of the Commons*, 11(1), 422–448. <https://doi.org/10.18352/ijc.713>
9. Usenova, N. E. (2014). Epos “Manas” kak mnemonicheskaya kul'tura kyrgyzov: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. Bishkek. (in Russian).
10. Prior, D. (2022). Generic Factors and the Context of Empire in Kirghiz Oral Heroic Poetry from the Mid Nineteenth to the Early Twentieth Century. *Acta Slavica Iaponica*, 43, 95–126.
11. Zhamgyrchieva, G. T. (2016). K voprosu arkheta v kyrgyzskom epose (na primere eposa «Manas»). *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya*, (2 (44)), 126–128. (in Russian).
12. Aitalieva, T. K. (2024). Fairy-tale and mythological descriptions in the epic *Manas*. *Critical Survey*, 36(2), 127–138. <https://doi.org/10.3167/cs.2024.360411>
13. Zhou, Y. (2023). Adalaiti Quantitative Analysis of Heroic Epic “Manas” Translation Research in China. In *Proceedings of the SSEME workshop on Social Sciences and Education*, 67-75. https://doi.org/10.2991/978-2-38476-116-6_9

Поступила в редакцию
25.05.2026 г.

Принята к публикации
06.06.2026 г.

Ссылка для цитирования:

Эргешова Г. А., Байгобылова Г. А. Сакральные места в эпосе «Манас»: семантика и функции топонимов // Бюллетень науки и практики. 2026. Т. 12. №8. С. 548-554. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/129/65>

Cite as (APA):

Ergeshova, G., & Baigobylova, G. (2026). Sacred Places in the «Manas» Epic: Semantics and Functions of Toponyms. *Bulletin of Science and Practice*, 12(8), 548-554. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/129/65>